

Сознаніе и воля.

I.

Сознаніе нераздѣльно является уже съ самымъ простымъ ощущеніемъ.

Слѣдующая по сложности психическая величина есть воспріятіе, которое представляетъ собою не что иное, какъ сумму ощущений. Затѣмъ, представленіе, которое есть образъ воспоминанія воспріятія. И наконецъ, понятіе, которое образуется изъ представленія, одного или многихъ, если одинаковыя или сходныя представленія повторяются неоднократно.

Само собою разумѣется, что сознаніе, присущее уже ощущенію, присуще и всѣмъ этимъ, производнымъ отъ ощущенія величинамъ.

Далѣе, въ психическомъ содержаніи мы находимъ соединенія воспріятій, представленій и понятій въ сложныя группы и смѣну этихъ группъ. Что сознаніе присутствуетъ и въ этихъ сложныхъ группахъ, это такъ же вполне естественно. Но какъ опредѣлить сознаніе?

Уже то, что было сказано, представляетъ собою извѣстное опредѣленіе: сознаніе нераздѣльно съ ощущеніемъ и слѣдовательно, можетъ быть названо однимъ изъ основныхъ свойствъ ощущенія. Такимъ образомъ, можно сказать, что сознаніе есть основное свойство душевной жизни и притомъ свойство элементарное, т. е. неразложимое ни на какія составныя части. Это не есть, слѣдовательно, особое ощущеніе или «внутреннее чувство», какъ опредѣлялъ Фихте, это есть свойство всякаго ощущенія.

Если мы обратимся къ изученію того, что въ данный моментъ сознается нами, то мы найдемъ въ нашемъ психическомъ содер-

жаніи ошущенія, воспріятія, представленія и понятія, сгруппированныя такъ или иначе.

Всѣ эти величины будутъ сознаться нами одновременно, причемъ различіе между ними будетъ опредѣляться только ихъ внутренними свойствами, каково бы ни было въ мозгу мѣсто соотвѣтствующаго физиологическаго процесса. Локалізація ошущеній находится въ зависимости отъ комбинаціи ошущеній между собою и, главнымъ образомъ, отъ комбинаціи ошущеній отъ органовъ чувствъ, которымъ свойственно проэцироваться во внѣшній міръ, и ошущеній мышечныхъ, или такъ называемыхъ иннервационныхъ. Для процессовъ, происходящихъ внутри мозга, не существуетъ такой комбинаціи, вслѣдствіе чего и локалізація мозговыхъ процессовъ не происходитъ, т. е. не ошущается и не сознается.

Поэтому, если черезъ минуту мы найдемъ въ мозгу совершенно другое психическое содержаніе, то оно будетъ сознаться, какъ происходящій въ томъ же самомъ мѣстѣ процессъ точно такъ же, какъ и первое психическое содержаніе.

Во второмъ психическомъ содержаніи мы также не найдемъ ничего другаго, кромѣ ошущеній, воспріятій, представленій и понятій и группъ этихъ элементовъ. Они могутъ отличаться отъ первыхъ нѣкоторыми качествами; взятая въ общемъ сумма ошущеній можетъ быть больше во второмъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ, но то, что характеризовало ошущенія, какъ психическій моментъ, — сознаніе, будетъ точно такимъ же, какъ и прежде, такъ какъ это наименѣе измѣняющаяся часть ошущеній; она допускаетъ только колебанія въ силѣ.

Слѣдовательно, въ два идущіе одинъ за другимъ момента сознаніе остается тѣмъ же самымъ, не смотря на то, что производящіе его психическіе процессы совершенно измѣнились. И оно не можетъ быть инымъ, такъ какъ сознаніе представляетъ собою именно неизмѣнную часть психическаго процесса.

Эти два обстоятельства: отсутствіе ошущеній, локализирующихъ мозговые процессы и одинаковый характеръ сознанія при перемѣнѣ психическихъ процессовъ — и производятъ то, что называется единствомъ сознанія.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, сознаніе и не можетъ быть не единымъ, такъ какъ оно всегда одно и то же, т. е. всегда равно самому себѣ и всегда проявляетъ себя въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Всѣ психическіе процессы, обусловливающіе собою существованіе сознанія, входятъ въ образующееся при этомъ сознаніе какъ составные элементы. Каждое ощущеніе, каждое воспріятіе и представленіе участвовало, съ своей стороны, въ произведеніи сознанія въ данный моментъ, являясь также и тѣмъ, что слѣдуетъ назвать содержаніемъ сознанія.

Содержаніе сознанія есть въ сущности терминъ весьма условный. Ощущеніе заключаетъ въ себѣ сознаніе, которое безъ ощущенія, слѣдовательно, не мыслимо. Поэтому сознаніе есть, по всей справедливости, содержаніе ощущенія, содержаніе представленія и т. д. Но эта часть содержанія каждой психической величины является общей для нихъ всѣхъ, остальные же свойства ощущеній у каждаго изъ нихъ различны. Вслѣдствіе этого и сознаніе является болѣе общимъ явленіемъ, чѣмъ другія свойства ощущеній, почему и возникаетъ неустранимое субъективное опредѣленіе отношеній, по которому неизмѣнное сознаніе признается носителемъ измѣнчивыхъ свойствъ ощущеній, которыя становятся, такимъ образомъ, лишь содержаніемъ сознанія.

Съ указанной точки зрѣнія, сознаніе не можетъ не быть единымъ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого раздвоенія сознанія, а можетъ быть лишь измѣненіе содержанія сознанія, т. е. измѣненіе тѣхъ психическихъ процессовъ, которые въ данный моментъ производятъ сознаніе.

Сознаніе можетъ измѣняться только въ степени своей ясности, въ зависимости отъ интенсивности производящихъ его психическихъ процессовъ. Его можно назвать яркимъ, когда эта интенсивность превышаетъ обычную среднюю степень, оно будетъ просто яснымъ, когда интенсивность психическаго процесса будетъ обычной. При уменьшеніи интенсивности и сознаніе будетъ ослабѣвать и станетъ неяснымъ, далѣе—затемненнымъ, когда различеніе ощущеній будетъ недостаточнымъ, и наконецъ, при слабѣйшей степени интенсивности психическихъ процессовъ, мы получимъ безсознательное состояніе. Всѣ эти измѣненія ясности сознанія могутъ происходить какъ при правильной ассоціационной дѣятельности, т. е. у здороваго человѣка, такъ и при нарушеніи ассоціационной дѣятельности, т. е. при душевныхъ болѣзняхъ.

Точно такъ же не можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, и никакой спутанности сознанія, а можетъ быть только спутанность

идей и представлений, словомъ,—тѣхъ процессовъ, которые производятъ въ данный моментъ сознание.

Необходимо сказать, что термины, относящіеся къ сознанию, пока весьма несовершенны, что зависитъ отъ того, что самыя характеристики сознания весьма различны въ настоящее время.

Сказанное до сихъ поръ относительно сознания имѣло въ виду разсмотрѣніе вопроса по самой сущности.

Обыкновенно это не дѣлается и часто подъ сознаниемъ разумѣется то, что мы назвали содержаниемъ сознания, т. е. совокупность психическихъ процессовъ, разсматриваемыхъ въ извѣстной послѣдовательности.

Различіемъ точекъ зрѣнія, положенныхъ въ основаніе опредѣленія сознания, и объясняется такое чрезвычайное несоотвѣтствіе въ опредѣленіяхъ, какое мы встрѣчаемъ, на примѣръ, въ опредѣленіяхъ Фихте и Гербарта, изъ которыхъ, по мнѣнію одного, сознание есть особое внутреннее чувство, а по мнѣнію другого—сознание есть совокупность нашихъ представлений.

Чтобы сдѣлать вполне понятнымъ это различіе и степень основательности каждаго изъ этихъ опредѣленій, мы остановимся теперь на изученіи содержанія сознания.

Все содержаніе сознания, всѣ ощущенія, воспріятія, представленія и понятія раздѣляются на двѣ большія группы.

1) Къ первой группѣ относятся возбужденія, полученныя черезъ посредство органовъ чувствъ и относящіяся къ внѣшнему міру, къ тому, что находится внѣ насъ.

2) Вторую группу составляютъ возбужденія, относящіяся къ самому ощущающему индивидууму и составляющія то, что происходитъ внутри насъ.

Вторая группа возбужденій дѣлится, въ свою очередь, на двѣ:

а) возбужденія, возникающія внѣ мозга, которымъ соотвѣтствуютъ въ мозгу ощущенія и т. д., проэцированныя къ различнымъ частямъ тѣла.

и б) возбужденія, которыя возникаютъ въ мозгу подъ вліяніемъ происходящихъ тамъ процессовъ и сохраняютъ при этомъ характеръ внутренняго мозгового ощущенія. Это тѣ ощущенія, по которымъ мы знаемъ, что память, воображеніе, фантазія,—мысль вообще—совершается у насъ въ головѣ.

Первая ступень психической, сознательной жизни выражается лишь въ восприниманіи внѣшнихъ возбужденій, которымъ со-

отвѣтствуютъ извѣстныя ощущенія. Самое большое, что можетъ быть допущено на этой первой ступени сознательной жизни,— это различеніе ощущеній между собою.

Допустить это различеніе необходимо потому, что основанія для него лежатъ уже въ самихъ возбужденіяхъ, исходящихъ изъ внѣшняго міра и находятся въ прямой зависимости отъ основныхъ свойствъ внутренней реакціи, отъ условій образованія сложныхъ и простѣйшихъ ощущеній.

Мы изучали уже условія сходства психическихъ величинъ и видѣли, что условіемъ полного тождества двухъ психическихъ величинъ является одинаковость, тождественность мозгового процесса.

Условія же различенія даны сами собою.

Уже отдѣльныя ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ совершенно различаются между собою своей специфичностью и самымъ мѣстомъ своего происхожденія въ мозгу. Затѣмъ, каждое отдѣльное ощущеніе отличается отъ другого своимъ качествомъ, силою и т. д. Такимъ образомъ, различеніе не есть какой-либо особый процессъ, это—явленіе первичное, не требующее дальнѣйшихъ разъясненій и, если бы могло возникнуть какое-либо затрудненіе, такъ это, наоборотъ, для объясненія соединенія въ одно двухъ совершенно различныхъ ощущеній, если бы такое соединеніе было возможно.

Поэтому, сознаніе никакъ нельзя характеризовать—какъ «способность различенія», что вполне равносильно характеристикѣ сознанія какъ «способности ощущенія» или «способности соединенія», такъ какъ и возбудимость мозга, и одинаковость, равно какъ и различіе возбужденій суть несомнѣнные факты душевной жизни, сами себя опредѣляющіе, изъ которыхъ и слагается, въ концѣ концовъ, возможность правильной реакціи на внѣшнія возбужденія. Сознаніе же, присущее каждому ощущенію, естественно будетъ присуще и тѣмъ ощущеніямъ, которыя сходны между собою, и тѣмъ, которыя различны.

Такая первая ступень сознанія, когда существуетъ только различеніе между ощущеніями, свойственна, быть можетъ, уже элементарнымъ простѣйшимъ организованнымъ существамъ, лишь только мы можемъ констатировать въ нихъ различную реакцію на различныя возбужденія. Конечно, степень этой разницы можетъ быть очень ничтожна.

Вторая ступень сознательной жизни выражается уже въ различеніи того, что относится къ внѣшнему міру отъ того, что относится къ индивидууму. Здѣсь происходитъ уже отдѣленіе индивидуума отъ окружающаго міра и смутное зарожденіе того, что въ послѣдствіи разовьется въ самосознаніе.

На этой второй ступени сознательной жизни можетъ уже существовать понятіе «я», но это понятіе пока имѣетъ недостаточно опредѣленное значеніе вслѣдствіе недостаточной дифференцировки ощущеній. «Я» есть пока только то, что не внѣшній міръ, другими словами, вся совокупность индивидуальныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, весь физическій организмъ: ноги, руки, тѣло вообще, представляютъ собою «я», и ощущенія служатъ лишь для того, чтобы отличать это «я» отъ внѣшняго міра.

Но систематизація и дифференцированіе ощущеній идетъ дальше. Третья ступень сознательной жизни характеризуется уже тѣмъ, что, кромѣ различія между индивидуумомъ и внѣшнимъ міромъ, появляется различіе между тѣми ощущеніями, которыя исходятъ изъ самаго индивидуума, и происходитъ раздѣленіе индивидуума на физическій организмъ и внутренній, сознающій организмъ. Тогда «я» служитъ для обозначенія лишь этого внутренняго организма. Физическій организмъ, прежде исключительно представлявшій собою индивидуумъ, входитъ теперь въ понятіе «я» лишь какъ составная часть. Говоря «я», человѣкъ разумѣетъ теперь не только свой внутренній міръ, но и всю совокупность своихъ членовъ. Но каждая отдѣльная часть организма уже не образуетъ собою индивидуума и возникаетъ новое понятіе принадлежности, по которому все составляющее неотъемлемую часть индивидуума обозначается словомъ «мой». «Моя рука, мое тѣло».

Такимъ образомъ происходитъ постепенное разграниченіе ощущеній, которыя отъ повторенія становятся болѣе ясными и опредѣленными и увеличиваются въ числѣ. Здѣсь, слѣдовательно, не появляется никакихъ новыхъ условій для возникновенія сознанія, кромѣ тѣхъ, которыя мы имѣли уже на первой ступени, и сознаніе, входящее въ каждое ощущеніе, осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было на первой ступени, но производящіе его моменты,—внутреннія мозговья возбужденія, то, что называется содержаніемъ сознанія,—весьма измѣнились, такъ какъ они увеличились въ числѣ, въ силѣ, вступили между собою въ разнообразныя связи.

И на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ сознательной жизни мы

найдемъ все тотъ же процессъ увеличенія количества психическихъ величинъ и новыя ихъ группировки. Дѣлать опредѣленіе сознанія въ зависимости отъ различной группировки однихъ и тѣхъ же величинъ значило бы сливать понятія сознанія и содержанія сознанія въ одно.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе содержаніе сознанія взрослого человѣка, когда взаимныя отношенія группъ ассоціацій уже вполне опредѣлились. Прежде всего мы находимъ постоянную группу ассоціацій, которая возникаетъ при всякихъ условіяхъ жизни даннаго индивидуума. Это тѣ ощущенія, которыя образуются подъ вліяніемъ постоянно происходящихъ въ тѣлѣ процессовъ, — ощущенія движенія органовъ и ощущенія отъ разнообразныхъ возбужденій, исходящихъ изъ внѣшняго міра. Изъ этихъ возбужденій слагается общее чувство индивидуальнаго существованія. На ряду съ этими возбужденіями, исходящими отъ физическаго организма, постоянно существуютъ еще и ощущенія, исходящія отъ совершающихся въ мозгу процессовъ, каково бы ни было происхожденіе этихъ возбужденій и этихъ процессовъ.

Къ возбужденіямъ, исходящимъ изъ тѣла, присоединяются возбужденія, обусловленныя постоянными внѣшними вліяніями, среди которыхъ находится данное лицо. Напримѣръ, вліянія обстановки, существующихъ постоянныхъ отношеній и т. д. Эти вліянія далеко не остаются всегда одинаковыми. Они измѣняются въ зависимости отъ измѣненій во внѣшнемъ мірѣ, но въ каждый данный моментъ извѣстное количество однообразно повторяющихся вліяній постоянно находится на лицо. Къ такимъ вліяніямъ относятся не только непосредственныя воспріятія данной минуты, но и воспроизведенныя представленія, относящіяся къ постояннымъ условіямъ существованія индивидуума. Пусть произойдетъ какая-нибудь постоянная перемѣна въ условіяхъ существованія или въ отношеніяхъ, — и она всегда будетъ оказывать свое вліяніе на содержаніе сознанія, пока не исчезнетъ, или не замѣнится чѣмъ-нибудь другимъ. Напримѣръ, если у человѣка родится ребенокъ, въ содержаніи его сознанія всегда уже будетъ находиться, между прочимъ, и мысль объ этомъ ребенкѣ. Мысль эта можетъ вытѣсняться на время, по общимъ законамъ смѣны ассоціационныхъ группъ, но всякій разъ она будетъ возникать вновь, какъ только вытѣсняющіе моменты утратятъ свое дѣйствіе. При-

мѣровъ можно найти сколько угодно, и всѣ они съ совершенной ясностью будутъ свидѣтельствовать о томъ, что содержаніе сознанія находится въ постоянной зависимости отъ такихъ постоянныхъ условій существованія.

Далѣе, въ содержаніе сознанія даннаго момента всегда входятъ изъ раньше полученныхъ импульсовъ тѣ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ настоящему. Больше всего такое отношеніе ко всякому почти моменту имѣютъ извѣстные импульсы относительно поведенія или направленія своихъ дѣйствій, такъ какъ вопросъ «какъ поступать» относится къ числу важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни и дѣятельности, и на разъясненіе его каждымъ человѣкомъ въ тотъ или другой періодъ его жизни потрачено бываетъ довольно большое количество силъ. Такъ какъ группа ассоціацій, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу соединяется именно съ дѣйствіями или представленіями о дѣйствіяхъ, то весьма понятно, что эта группа ассоціацій будетъ возникать наичае, такъ какъ человѣческая жизнь и выражается преимущественно разнаго рода дѣйствіями. Въ этой группѣ соединяются, между прочимъ, всѣ вложенныя въ человѣка воспитаніемъ идеи, всѣ идеи, добытыя имъ путемъ самостоятельной работы и наблюденія надъ другими людьми, словомъ—все, что вліяніе другихъ людей и собственный опытъ дали человѣку въ смыслѣ опредѣленія его дѣйствій.

Такъ составляется наиненѣе подвижная часть содержанія сознанія, которой и опредѣляется «я», личность человѣка и его характеръ.

Къ этимъ малоподвижнымъ группамъ ассоціацій постоянно присоединяются, однако, новыя сложныя группы, находящіяся въ зависимости не отъ постоянно существующихъ вліяній, а отъ вліяній временныхъ. Иногда эти временныя вліянія могутъ быть необыкновенно сильны и могутъ вытѣснить постоянныя ассоціаціи. Обыкновенно вытѣсненіе это происходитъ не вполне, и между новыми группами ассоціацій и постоянными ассоціаціями устанавливается извѣстное соотвѣтствіе, такъ что окончательный результатъ—дѣйствіе—стоитъ въ связи съ обѣими группами. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ такое соотвѣтствіе не можетъ быть установлено, возникаетъ борьба двухъ мотивовъ, которая и въ субъективномъ отношеніи отражается—какъ внутренняя борьба.

Группы ассоціацій, образующихъ собою личность, постоянно су-

ществуютъ и, какъ мы видѣли, въ составъ ихъ входятъ весьма сложныя соединенія. Многія изъ этихъ соединеній сопровождаются сознаниемъ, слѣдовательно, въ каждый данный моментъ сознание у даннаго индивидуума существуетъ. Поэтому всякое новое ощущение или рядъ ощущений будетъ являться среди массы существующихъ ощущений, производящихъ сознание. Отсюда возникли и выраженія: «находиться въ сознаниі», «имѣть въ сознаниі», что въ свою очередь повело къ тому, чтобы разсматривать сознание, какъ нѣкоторую обособленную отъ ощущений и тому подобныхъ явленій величину.

Итакъ, мы видѣли, что содержаніе сознание не остается неизмѣннымъ даже въ теченіе короткихъ періодовъ жизни, что вступающія отъ внѣшнихъ вліяній возбужденія такъ или иначе измѣняютъ это содержаніе, почему мы и можемъ говорить о различныхъ моментахъ сознательной жизни человѣка, или о «состояніяхъ сознания». Въ еще большей степени наступаютъ перемѣны въ содержаніи сознания въ теченіе большихъ періодовъ жизни, что находится въ прямой зависимости отъ измѣненія внѣшнихъ вліяній, отъ приобрѣтенія совершенно новыхъ психическихъ величинъ—въ видѣ представленій и понятій, вслѣдствіе значительныхъ перемѣнъ во внѣшней обстановкѣ и условіяхъ жизни. Такого рода перемѣны причиняютъ не только временное измѣненіе содержанія сознания, и потому не могутъ быть называемы состояніями сознания. Здѣсь, напротивъ, можетъ произойти стойкая перемѣна, которая должна быть обозначена уже какъ перемѣна личности, вслѣдствіе основнаго измѣненія постояннаго содержанія сознания даннаго лица.

Такимъ образомъ, ни личность, ни состоянія сознания не остаются одинаковыми у одного и того же человѣка. Иногда наступающія перемѣны совершаются въ смыслѣ усовершенствованія и умноженія способности къ дѣятельности и въ смыслѣ увеличенія богатства психической жизни. Тогда мы будемъ имѣть развитіе душевной жизни.

Итакъ, развитое человѣческое сознание слагается изъ множества отдѣльныхъ ощущений, воспріятій, представленій. Это дѣлаетъ понятной и характеристику Гербарта, который опредѣляетъ сознание—какъ сумму всѣхъ имѣющихся у насъ представленій. Несомнѣнно, что всѣ имѣющіяся въ данный моментъ представленія, равно какъ и тѣ, которыя возникнутъ вслѣдъ за

ними, будутъ производителями сознанія, которое присуще уже простѣйшему ощущенію. Но по своей сущности, сознаніе всегда будетъ одинаково и будетъ находиться въ зависимости не отъ представленій, которыя образуютъ собою лишь содержаніе сознанія, а отъ основного первичнаго свойства каждаго изъ входящихъ въ составъ этихъ представленій ощущенія.

Если мы вспомнимъ теперь опредѣленіе Фихте, что сознаніе есть внутреннее чувство, то увидимъ, что въ сущности эти два опредѣленія проистекаютъ отъ разсмотрѣнія вопроса съ двухъ точекъ зрѣнія и могутъ быть легко согласованы, такъ какъ, касаясь различныхъ сторонъ явленія, они взаимно не исключаютъ другъ друга.

На этомъ мы и остановимся въ анализѣ сознанія, такъ какъ намъ необходимо, хотя коротко, сказать о чувствахъ. Это умѣстнѣе всего именно здѣсь, такъ какъ чувства являются для насъ какъ опредѣленное содержаніе сознанія.

Изучая ощущенія, мы видѣли, что каждому отдѣльному ощущенію уже соотвѣтствуетъ извѣстный чувственный тонъ, характеризующійся тѣмъ, что каждое ощущеніе бываетъ то пріятнымъ, то непріятнымъ. Вполнѣ понятно уже изъ этого, что и воспріятія, и представленія сопровождаются извѣстнымъ чувственнымъ тономъ, который, будучи выраженъ значительно сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ ощущеніи, обыкновенно называется чувствомъ. Но мы видѣли также, что одно и тоже ощущеніе можетъ сопровождаться то пріятнымъ, то непріятнымъ чувственнымъ тономъ, въ зависимости отъ состоянія нервной клѣтки. Въ этой особенности состоянія нервныхъ клѣтокъ, которая выражается различнымъ чувственнымъ тономъ при неизмѣнности внѣшняго возбужденія, и заключается причина происхожденія чувствъ. Мы весьма мало знаемъ, каковы тѣ процессы или измѣненія, которыя происходятъ при этомъ въ клѣткѣ. Совершенно въ такой же степени мало знаемъ мы и относительно происхожденія чувствъ.

Мейнертъ полагалъ, что здѣсь имѣетъ значеніе количество кислорода, доставляемаго клѣткамъ кровью: достаточно доставляется кислорода,—и клѣтки проявляютъ больше жизненности и является пріятный чувственный тонъ; мало кислорода,—и жизненность клѣтокъ понижается, а съ тѣмъ вмѣстѣ понижается и чувственный тонъ, переходя изъ пріятнаго въ непріятный. Весь-

ма возможно, что количество доставляемой крови, т.-е. процессы питания нервныхъ клѣтокъ, и отражается такъ или иначе на чувственномъ тонѣ или производитъ какія-нибудь специфическія ощущенія, но чтобы различной степенью притока крови обусловливалось происхожденіе чувствъ—это представляется совершенно неяснымъ.

Если въ простомъ ощущеніи чувственный тонъ есть неизмѣняемая часть ощущенія и для измѣненія его необходимо требуется новое внѣшнее возбужденіе, то это не всегда бываетъ такъ по отношенію къ воспріятію.

Фехнеръ замѣтилъ, что относительно формы, напримѣръ, чувство пріятнаго или непріятнаго измѣняется въ зависимости отъ незначительной перегруппировки отдѣльныхъ, составляющихъ воспріятіе ощущений, и если мы будемъ дѣлать, напримѣръ, прямую линію, то чувство пріятнаго появляется лишь при дѣленіи въ извѣстномъ отношеніи. Такимъ образомъ, чувственный тонъ даннаго воспріятія измѣняется при одномъ и томъ же состояніи кровообращенія, потому что, если мы и должны признать для двухъ различныхъ видоизмѣненій формы въ воспріятіи два различныя распредѣленія крови по мельчайшимъ элементамъ мозговой коры, двѣ различныхъ функциональныхъ гипереміи,—тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого повода допустить, чтобы общее кровонаполненіе даннаго участка мозга хоть сколько-нибудь измѣнилось отъ этой перемѣны.

Такимъ образомъ, мы должны принять, что чувства возникаютъ въ зависимости отъ неизвѣстныхъ намъ измѣненій въ самихъ клѣткахъ, причѣмъ можетъ играть роль и относительное распредѣленіе и отношеніе между собою совмѣстныхъ дѣйствующихъ возбужденій.

Чувства обыкновенно раздѣляются на высшія и низшія. Къ низшимъ относятся чувства, имѣющія непосредственное отношеніе къ физическому организму и находящіяся въ связи съ его существованіемъ, индивидуальнымъ или родовымъ. Сюда относятся чувства жажды, голода, половое чувство, чувство страха и самосохраненія. Къ высшимъ чувствамъ относятся соединенныя съ интеллектуальными или ассоціаціонными процессами сложныя чувства удовольствія и неудовольствія, эстетическія чувства, нравственныя, религіозныя. Въ ту или другую группу могутъ помѣщаться такія чувства, какъ чувство гнѣва, стыда, гордости.

Въ такого рода дѣленіи чувствъ на высшія и низшія не представляется особой надобности, такъ какъ постоянно наблюдаются комбинаціи различныхъ чувствъ, и называть низшими чувствами тѣ, которыя у человѣка оказываются общими съ животными нѣтъ никакой необходимости.

Важнѣйшимъ вопросомъ по отношенію къ происхожденію чувствъ является вопросъ о связи чувствъ съ интеллектуальной дѣятельностью. Можетъ ли чувство возникнуть безъ соотвѣтствующаго представленія?—Въ извѣстномъ смыслѣ, на этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно.

Лучше всего это можно отмѣтить на колебаніяхъ того общаго чувства, которое мы имѣемъ въ каждый данный моментъ въ зависимости отъ состоянія нашего организма и которое носить названіе самочувствія. Относительно низшихъ чувствъ: голода, жажды, полового чувства, надо сказать, что это вполне очевидно. Голодь возникаетъ безъ отношенія къ представленію—также, какъ и жажда. По отношенію къ чувствамъ болѣе сложнымъ то же можетъ быть замѣчено на томъ общемъ чувствѣ, которому мы даемъ названіе настроенія. Настроеніе можетъ мѣняться безъ всякаго отношенія къ перемѣнѣ внѣшнихъ вліяній и бываетъ различнымъ при одномъ и томъ же содержаніи представленій.

Но не играютъ ли при этомъ роли представленія раньше бывшія?—Этотъ вопросъ предполагаетъ сохраненіе чувственного тона отъ тѣхъ представленій, воспріятій, ощущеній, которыя, будучи вытѣснены другими, спустились ниже порога сознанія; тогда, слѣдовательно, сопровождавшій ихъ чувственный тонъ будетъ тотъ остатокъ этихъ представленій, который еще сохраняется въ сознаніи. Но и такое допущеніе не представляется доказаннымъ, такъ какъ оно предполагаетъ уже внутреннюю необходимую связь между представленіями и чувствами. Необходимо принять, однако, по отношенію къ чувствамъ—также, какъ и по отношенію къ отдѣльнымъ ощущеніямъ, что чувственный тонъ зависитъ отъ состоянія клѣтки. Слѣдовательно, чувственный тонъ, или чувство, обусловливается процессами, не имѣющими прямого отношенія къ условіямъ восприниманія ощущеній. Изъ этого слѣдуетъ, что чувства не необходимо опредѣляются ощущеніями и представленіями.

Но съ другой стороны, чувства не могутъ проявляться внѣ

ощущений и безъ представлений, такъ какъ, хотя чувство и обусловливается внутренними процессами въ клѣткахъ, тѣмъ не менѣе измѣненія, происшедшія въ клѣткахъ, могутъ быть обнаружены только посредствомъ реакціи этой клѣтки на внѣшнія возбужденія.

Въ общемъ, всѣ чувства могутъ быть раздѣлены на пріятныя и непріятныя, совершенно подобно тому, что мы видѣли уже относительно чувственного тона ощущений.

Большинство чувствъ соединяется съ опредѣленными въ данный моментъ ощущеніями или представленіями, другія имѣютъ уже гораздо меньшую степень опредѣленности. Къ наименѣе опредѣленнымъ чувствамъ относятся чувства симпатіи и антипатіи между людьми, такъ какъ эти чувства отличаются наименѣе избирательнымъ характеромъ, распространяясь на громадное число людей, и хотя они могутъ быть констатированы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе лишь въ немногихъ случаяхъ, когда они значительно увеличиваются въ силѣ. Затѣмъ слѣдуютъ чувства, возбуждаемыя въ человѣкѣ природой во всемъ ея цѣломъ, которыя выражаются въ религіозномъ чувствѣ, составляющемся изъ чувствъ страха, удивленія и восторга и всегда носящемъ въ себѣ идею подчиненности, неизбѣжно вытекающую изъ величія природы. Далѣе слѣдуютъ чувства нравственныя и особенно эстетическія, отличающіяся наибольшей опредѣленностью и наибольшей избирательностью, такъ какъ они возникаютъ въ зависимости не только отъ предметовъ, но и отъ сочетаній частей воспріятій и представлений и бываютъ вслѣдствіе этого весьма различно обусловлены у различныхъ лицъ.

Чѣмъ болѣе чувство связано съ ассоціаціонными процессами и чѣмъ сложнѣе эти процессы, тѣмъ менѣе оно нарушаетъ психическую дѣятельность, т.-е. смѣну ассоціаціонныхъ группъ, и наоборотъ, чѣмъ болѣе оно связано съ дѣятельностью сосудистаго центра, тѣмъ болѣе при его появленіи нарушается психическая дѣятельность.

Чувства, тѣсно связанныя съ дѣятельностью сосудистаго центра, называются аффектами. Сюда относятся: страхъ, гнѣвъ, стыдъ, радость, печаль. Появленіе этихъ чувствъ или аффектовъ сопровождается обыкновенно рѣзкимъ измѣненіемъ мозгового кровообращенія, вслѣдствіе чего нарушается правильная смѣна

ассоціаціонныхъ группъ, и мышленіе на нѣкоторое время оставливается.

По отношенію къ испытывающему ихъ человѣку чувства раздѣляются также на эгоистическія и альтруистическія. Эгоистическими чувствами называются тѣ, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ только данный индивидуумъ, альтруистическими называются тѣ, которыя имѣютъ, главнымъ образомъ, отношеніе къ другимъ людямъ.

Изъ упомянутыхъ мною чувствъ всѣ были эгоистическія, за исключеніемъ нравственныхъ чувствъ. Нравственныя чувства суть тѣ, которыми опредѣляется поведеніе человѣка, слѣдовательно, это — чувства по преимуществу альтруистическія, такъ какъ поведеніе человѣка всегда имѣетъ отношеніе къ другимъ людямъ. Отсюда само собой понятно, что нравственнымъ чувствамъ человѣка придается наибольшее значеніе, такъ какъ въ общественной жизни, которую по своей организациіи принужденъ вести человѣкъ, главную роль играютъ, конечно, моменты, опредѣляющія дѣйствія человѣка, и внутренняя оцѣнка даннаго лица дѣлается обыкновенно по его нравственнымъ чувствамъ.

Что касается самаго раздѣленія чувствъ на эгоистическія и альтруистическія, то весьма нерѣдко высказывается предположеніе, что альтруистическихъ чувствъ, т.-е. чувствъ, имѣющихъ своимъ предметомъ исключительно другое лицо, не существуетъ, такъ какъ въ каждомъ чувствѣ, каково бы ни было его содержаніе, заключается извѣстная степень удовольствія или неудовольствія для самого чувствующаго лица, такъ что по существу всѣ чувства должны быть признаны эгоистическими. Эти соображенія могутъ быть представлены въ видѣ весьма сложныхъ разсужденій, но въ дѣйствительности нѣтъ рѣшительно никакой надобности затемнять этотъ вопросъ, такъ какъ и не можетъ подвергаться сомнѣнію, что всякое чувство можетъ быть пріятнымъ или непріятнымъ. Очевидно также, что чувства нравственныя относятся къ числу чувствъ пріятныхъ. Дѣйствія же, которыя приходится совершать подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, могутъ оказаться весьма непріятными и тяжелыми для совершающаго ихъ человѣка. Эта тяжесть и непріятность далеко не всегда искупается или покрывается въ сознаніи совершающаго ихъ пріятностью нравственнаго чувства, но иногда ослабляется лишь до извѣстной степени привычкой къ такого рода дѣйствіямъ;

иной разъ такая привычка приобрѣтается лишь долгимъ и упорнымъ трудомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же нравственныхъ чувствъ, которыя еще ждуть своего удовлетворенія и потому не могли достигнуть всей степени своей пріятности. Слѣдовательно, хотя бы послѣ совершенія ряда дѣйствій въ интересахъ другихъ людей и остался затѣмъ у человѣка нѣкоторый эгоистическій остатокъ въ видѣ нравственнаго удовлетворенія или даже тщеславія, тѣмъ не менѣе альтруистическій характеръ его дѣйствій не подлежитъ никакому сомнѣнію, почему и чувства, положенныя въ основаніе этихъ дѣйствій, вполне заслуживаютъ выдѣленія въ особую группу альтруистическихъ чувствъ. И тотъ остатокъ, который называется удовлетвореніемъ нравственнаго чувства и можетъ представлять значительную степень пріятности, не только не уменьшаетъ цѣнности и значенія нравственныхъ чувствъ, но даже возвышаетъ это ихъ значеніе, такъ какъ для всякаго человѣка, принужденнаго опять-таки по своей организаціи жить въ обществѣ и пользоваться услугами другихъ, гораздо пріятнѣе получать услуги, которыя оказываются съ удовольствіемъ, чѣмъ наоборотъ. Но во всякомъ случаѣ раздѣленіе чувствъ на эгоистическія и альтруистическія не имѣетъ психологическаго значенія, такъ какъ происхожденіе чувствъ въ сущности остается одинаковымъ и обусловливается свойствами и жизнью самихъ нервныхъ элементовъ, какъ по отношенію къ чувствамъ, приобрѣтеннымъ и развитымъ въ теченіе индивидуальной жизни, такъ и по отношенію къ чувствамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ.

Ощущеніями, воспріятіями, представленіями, понятіями съ ихъ различными группировками, и чувствами исчерпывается сознательная жизнь человѣка.

Оставляя пока совершенно въ сторонѣ безсознательную мозговую дѣятельность, перейдемъ къ вопросу о волѣ.

II.

Мы изучили, какъ внѣшнія вліянія воспринимаются человѣкомъ и являются въ формѣ ощущеній, воспріятій, представленій, понятій. Мы видѣли, какъ возникаетъ сознание и въ какомъ отношеніи находится оно къ совершающимся въ мозгу процессамъ. Мы видѣли также то отношеніе къ психическому процессу, ко-

торое свойственно чувствованіямъ. Мы изучали происхожденіе чувствованій и чувствъ и видѣли, какъ нераздѣльно связаны они съ психическими процессами, производящими ощущенія, представленія и т. д. Теперь намъ предстоитъ изучить психическіе процессы, выражающіе собою реакцію организма на воспринятія имъ возбужденія, которыя уже вызвали въ немъ рядъ сознательныхъ и безсознательныхъ измѣненій.

Реакція челоѵѳка на возбужденія, исходящія изъ внѣшняго міра, выражается въ дѣйствіи. Причина этого дѣйствія заключается въ томъ, что по анатомическому строенію нервной системы челоѵѳка, внѣшнее возбужденіе можетъ дѣйствовать только на чувствующіе нервы, которые передаютъ это возбужденіе центральной нервной системѣ. Изъ центральной нервной системы это возбужденіе можетъ не распространяться далѣе, если оно недостаточно сильно. Оно распредѣлится по тѣмъ или другимъ элементамъ мозговой коры, вызывая тѣ или другія психическія явленія и такимъ образомъ истратится, не продолжаясь болѣе. Если же это возбужденіе будетъ достаточно сильно, если оно не будетъ ослаблено какими-нибудь внутренними процессами, то оно будетъ распространяться далѣе и не иначе, какъ по двигательнымъ путямъ, потому что другого пути для этого не существуетъ. Двигательные нервы суть единственный выходъ для возбужденія, вступившаго въ нервную систему черезъ чувствующіе нервы. Слѣдовательно, причиной дѣйствія будетъ продолженіе возбужденія, первоначально возникшаго во внѣшнемъ мірѣ, затѣмъ вступившаго по чувствующимъ нервамъ въ центральную нервную систему и затѣмъ вновь выходящаго черезъ двигательные нервы, которые, вызывая сокращенія мышцъ, и производятъ рядъ дѣйствій.

Для этого необходимо участіе слѣдующихъ моментовъ: 1) внѣшнее возбужденіе должно существовать неизбѣжно; 2) необходимо должно быть дано основное свойство живой матеріи—способность реагировать на внѣшнія возбужденія.

И тотъ, и другой моментъ представляютъ собою выраженіе одного и того же явленія, которое заключается въ томъ, что все въ мірѣ находится во взаимодействіи, всѣ тѣла взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и, представляя собою лишь различныя формы движенія, своимъ взаимодействіемъ обуславливаютъ такъ же не что иное, какъ видоизмѣненіе движенія, которое и пред-

ставляет собою реакцію со стороны каждаго тѣла, подвергающагося воздѣйствію со стороны другого тѣла. И жизнь есть одна изъ формъ движенія атомовъ, и реакція живого существа есть лишь видоизмѣненіе этого присущаго ему движенія.

Слѣдовательно, реакція на внѣшнее возбужденіе есть основное выраженіе жизни. Форма реакціи обусловливается лишь строеніемъ и свойствами живого существа. Другими словами, причина реакціи живого организма на внѣшнія возбужденія есть та же причина, которая создаетъ жизнь. Далѣе этого научный анализъ идти пока не можетъ.

Эту причину реакціи живого организма на внѣшнія возбужденія называютъ волею. Какъ очевидно отсюда слѣдуетъ, воля есть понятіе, возникающее совершенно независимо отъ понятія о сознаниіи и какой бы то ни было психической дѣятельности. Самая элементарная психическая дѣятельность предполагаетъ существованіе нервной системы, тогда какъ реакція на внѣшнія возбужденія свойственна самымъ элементарнымъ организмамъ, какковы, напримѣръ, кровяныя тѣльца. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, воля и жизненная сила суть одно и то же.

Такое опредѣленіе вполне допустимо и можетъ быть безъ всякаго затрудненія принято и фізіологической психологіей. Необходимо только помнить, что требуется очень большая осторожность и строгая послѣдовательность въ развитіи этого опредѣленія. Именно, обязательно необходимо, чтобы опредѣленіе было закончено уже по отношенію къ самымъ элементарнымъ проявленіямъ жизни. Тогда не возникнутъ и тѣ многочисленныя недоразумѣнія, которыя вопросъ о волѣ возбуждаетъ въ настоящее время.

И въ самой спорной части вопроса относительно воли, въ вопросѣ о ея зависимости или независимости отъ внѣшнихъ вліяній, рѣшеніе должно быть сдѣлано уже по отношенію къ элементарнѣйшимъ организмамъ. Вопросъ о значеніи внѣшнихъ вліяній для возникновенія движеній въ организмъ называется обыкновенно вопросомъ о свободѣ воли.

Такимъ образомъ, въ чистомъ видѣ этотъ вопросъ представляется таковымъ: простѣйшее организованное существо—напримѣръ, амеба—обладаетъ ли способностью двигаться, внѣ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній или внутреннихъ измѣненій? Можетъ ли она безъ всякой причины, кромѣ той, которая заключается

въ присущей ей жизненной силѣ, измѣнить реакцію на внѣшнія возбужденія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дѣлается двояко: и «да» и «нѣтъ». — Оба отвѣта въ настоящее время гипотетичны.

Чтобы выбрать между двумя гипотезами, необходимо принять во вниманіе тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять всякая гипотеза: именно необходимо, чтобы гипотеза объединяла и объясняла наибольшее количество добытыхъ научными изслѣдованіями фактовъ и не имѣла бы ни одного точно констатированнаго факта, который противорѣчилъ бы ей. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуютъ двѣ гипотезы и не можетъ быть найдено окончательнаго рѣшенія между ними, слѣдуетъ принять во вниманіе значеніе гипотезы для дальнѣйшихъ изслѣдованій, степень ея плодотворности.

Разсмотримъ коротко обѣ гипотезы отдѣльно.

Возможность со стороны амебы совершать движенія независимо ни отъ какихъ вліяній дѣлаетъ невозможнымъ никакое предвидѣніе, такъ какъ всѣ вліянія становятся неопредѣлимыми и всякая реакція на внѣшнія воздѣйствія становится случайной. Надо сказать даже, что эта реакція должна быть случайна, такъ какъ одинъ разъ амеба изволитъ отвѣчать на внѣшнее возбужденіе сокращеніемъ, а другой разъ не изволитъ отвѣчать вовсе.

Вторая гипотеза непремѣнно предполагаетъ обратное—именно, однообразіе явленій при однообразіи дѣйствующихъ причинъ и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Этотъ роковой характеръ явленія даетъ возможность предвидѣнія, точность котораго вполне зависитъ отъ нашего знанія дѣйствующихъ въ данный моментъ условій, и возможность установленія постоянныхъ законовъ жизни. Другими словами, эта гипотеза предполагаетъ, что изученныя въ настоящее время явленія навѣрное будутъ такими же и черезъ тысячу лѣтъ, и до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ существовать въ его настоящемъ видѣ, а это одно лишь и дѣлаетъ возможнымъ существованіе науки. Все естествознаніе построено именно на второй гипотезѣ, и о ея плодотворности сравнительно съ первой не можетъ быть никакого спора.

Такое различіе между этими гипотезами принимается одинаково какъ защитниками первой, такъ и защитниками второй. Одинъ изъ горячихъ защитниковъ гипотезы о свободѣ жизненной силы такъ характеризуетъ положеніе вопроса: «вопросъ о свободѣ

можно назвать трагическимъ вопросомъ въ философіи; уже болѣе двухъ столѣтій во всѣхъ спорахъ, сосредоточенныхъ вокругъ него, происходитъ коллизія двухъ интересовъ, одинаково серьезныхъ для нашего ума: теоретическій интересъ заставляетъ горячо отстаивать распространеніе закона причинности на всѣ явленія міра; практический—принуждаетъ насъ защищать самостоятельность человѣческой личности. Отрицаніе причинности есть отрицаніе знанія; отрицаніе свободы есть отрицаніе нравственной жизни. Какой изъ двухъ мы выберемъ?»

Эта характеристика можетъ показать съ совершенной очевидностью, откуда происходятъ безконечные споры о свободѣ воли. Принятіе свободы воли есть отрицаніе предвидѣнія, отрицаніе науки. Поэтому защитники гипотезы свободы воли и изощряются въ попыткахъ примирить науку съ этой гипотезой, отвергнуть которую они не рѣшаются. Тамъ же, гдѣ они не видятъ уже возможности примиренія, они направляютъ свои сомнѣнія никакъ не противъ защищаемой гипотезы, а противъ основныхъ принциповъ науки и ставятъ слѣдующій вопросъ: «вѣрно-ли, что всѣ науки по своей природѣ предназначены получить совершенно точный, астрономическій обликъ, и только слабость умственныхъ силъ человѣчества мѣшала до сихъ поръ большинству изъ нихъ достигнуть этого состоянія? Другими словами: правда-ли, что все на свѣтѣ механически-раціонально или въ жизни осуществляется и другой—ирраціональный, такъ сказать, сверхъ-логическій элементъ бытія?»

Такъ далеко заходитъ дѣло. Здѣсь нѣтъ уже ни малѣйшей попытки анализа, ни малѣйшаго стремленія разложить неизвѣстное на величины извѣстныя, здѣсь нѣтъ болѣе гипотезы, а есть лишь вѣра, для сохраненія которой уже существуетъ готовность отрицать всѣ пріобрѣтенія знаній и, главнымъ образомъ, тѣ принципы, на которыхъ основаны эти знанія. Этимъ объясняется запутанность вопроса и страстность споровъ, но никакъ не характеризуется дѣйствительное положеніе дѣла. Въ дѣйствительности, въ самомъ вопросѣ вовсе нѣтъ тѣхъ противорѣчій, которыя желаютъ видѣть защитники той или другой точки зрѣнія.

На самомъ дѣлѣ, вопросъ рѣшается гораздо проще: жизненная сила представляетъ ли собою силу, отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ силъ природы, или это есть лишь новая ихъ комбинація?

Этотъ вопросъ не рѣшенъ въ настоящее время, и могутъ, слѣдовательно, существовать двѣ гипотезы, причемъ, съ точки зрѣнія единства міровыхъ силъ, правильнѣе принять именно послѣднее предположеніе. Этотъ вопросъ еще не возбуждаетъ страстей, и потому его гипотетическое рѣшеніе можетъ быть и въ томъ и другомъ видѣ одинаково допущено съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Второй вопросъ: можетъ-ли жизненная сила быть причиной явленій? — Отвѣтъ вполне ясенъ: жизненная сила проявляетъ себя только въ реакціяхъ на внѣшнія возбужденія. Другихъ проявленій этой силы мы не знаемъ. То, что наблюдается, заключается обыкновенно въ томъ, что при прекращеніи внѣшняго возбужденія и реакція организма прекращается, съ другой стороны, при продолженіи возбужденія, но при пониженіи энергіи жизненной силы, и реакція понижается и можетъ совершенно отсутствовать. Слѣдовательно, для реакціи, т.-е. для проявленія жизненной силы, необходимо какъ внѣшнее возбужденіе, такъ и самое существованіе этой силы. Существованіе же жизненной силы можетъ не находиться ни въ какомъ соотношеніи съ тѣми явленіями, которыя вызываютъ ее къ дѣятельности, почему существованіе этой силы по отношенію къ этимъ явленіямъ и называется самостоятельнымъ. Это единственная самостоятельность, которая можетъ быть признана за жизненной силой.

Но самое существованіе жизненной силы не можетъ быть обнаружено безъ вліянія внѣшнихъ возбужденій, другими словами, дѣйствія жизненной силы проявляются только въ реакціяхъ. Сторонникамъ свободы воли предстоитъ доказать, что возможны какія-либо проявленія жизни безъ взаимодѣйствія силъ. Пока они этого не доказали; слѣдовательно, никакого основанія принимать ихъ гипотезу тамъ, гдѣ дѣло идетъ о простѣйшей постановкѣ вопроса о свободѣ воли,—не существуетъ.

Но въ такомъ чистомъ видѣ вопросъ о свободѣ воли обыкновенно становится весьма рѣдко. По большей части онъ переносится въ область внутренняго опыта, въ сферу человѣческаго сознанія, и тамъ появляется уже съ весьма рѣзкими ограниченіями и урѣзками. Одна изъ самыхъ большихъ урѣзокъ есть признаніе необходимости явленій. Казалось бы, что это признаніе должно исключать всякую мысль о свободѣ, но къ признанію необходимости присоединяются обыкновенно слѣдующія соображенія, которыми въ сущности и исчерпывается защита

ученія о свободной волѣ: не смотря на необходимость всего совершающагося, въ человѣкѣ постоянно присутствуетъ сознание его внутренней свободы; обманъ въ нашемъ сознаниі психическихъ явленій немислимъ: мы можемъ ошибаться въ ихъ отвлеченномъ толкованіи и оцѣнкѣ, но не въ ихъ фактической наличности или непосредственно данныхъ качествахъ — по той простой причинѣ, что наши психическія явленія только въ нашемъ сознаниі и существуютъ и больше ихъ нигдѣ нѣтъ; стало быть, какъ они въ сознаниі даны, такова и есть ихъ единственная дѣйствительность.

Изъ этого возникаетъ необходимость примирить принципъ свободы и принципъ необходимости, и примиреніе это производится слѣдующимъ образомъ: необходимость только тогда противорѣчитъ свободѣ, когда съ ней происходитъ борьба, въ концѣ которой необходимость проявляетъ себя какъ принужденіе. Если же необходимость эта не вызываетъ борьбы, то отсюда слѣдуетъ, что она свободно признается. Значитъ, сознание необходимости есть доказательство сознаниі существованія свободы. Говорятъ, на примѣръ, что человѣкъ становится рабомъ не потому, что на немъ цѣпи, но потому, что онъ сознаетъ себя рабомъ: «Не цѣпи дѣлаютъ раба, но рабское сознание».

Итакъ, одно изъ доказательствъ свободы оказывается въ невозможности борьбы. Какъ мы увидимъ далѣе, въ другомъ случаѣ свобода доказывается присутствіемъ борьбы. Другими словами, какъ бы ни происходилъ психическій процессъ, онъ все-таки считается происходящимъ свободно. Это сочетание понятія свободы съ понятіемъ необходимости представляетъ, въ сущности, одно изъ весьма убѣдительныхъ доказательствъ именно невозможности доказать свободу воли.

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время господствующимъ въ психологіи взглядомъ является признаніе невозможности доказать свободу воли, и если я останавливаю вниманіе на этомъ вопросѣ, то лишь потому, что онъ все еще недостаточно законченъ по отношенію къ нѣкоторыхъ частностямъ, что и служитъ причиной его возникновенія въ спорахъ, причемъ онъ вновь разсматривается во всей его полнотѣ.

Переходя къ развитому человѣческому сознаниі, мы видимъ, что и здѣсь вопросъ о свободѣ воли далеко не имѣетъ подъ собою твердой почвы.

Чѣмъ менѣе развита способность анализа, т.-е. чѣмъ меньше запасъ свѣдѣній и идей, тѣмъ болѣе человекъ убѣжденъ, что его дѣйствія зависятъ отъ его желаній. При этомъ желаніе и хотѣніе разсматривается какъ одно и то же. Лишь впоследствии, когда область внутренней свободы начинаетъ суживаться, является и раздѣленіе желанія и хотѣнія, причѣмъ лишь хотѣніе принимается за актъ воли, а желаніе считается за неразумно и несознательно возникающее влеченіе; хотѣніе уже играетъ при этомъ роль момента, противодѣйствующаго желанію. Здѣсь свобода уматривается уже въ противодѣйствіи.

Въ настоящее время слѣдующіе моменты психической дѣятельности возбуждаютъ вопросъ о свободѣ:

1. Во-первыхъ, — вниманіе. Какъ извѣстно, вниманіе раздѣляется на вниманіе произвольное и произвольное.

Вниманіемъ называется такое состояніе сознанія, когда одно или нѣсколько воспріятій или воспроизведеній сознаются яснѣе, чѣмъ другія. При этомъ предполагается, что иногда это зависитъ отъ внѣшнихъ или внутреннихъ вліяній, каковы, напримѣръ, сила внѣшнихъ впечатлѣній, состояніе временнаго возбужденія воспринимающаго органа. Въ такихъ случаяхъ это будетъ пассивное или произвольное вниманіе. Въ другихъ же случаяхъ это обуславливается, будто бы, волей, которая можетъ то усиливать, то ослаблять происходящіе въ мозгу процессы. Тогда это будетъ произвольное вниманіе.

Для доказательства существованія такого произвола по отношенію къ психическимъ процессамъ, Вундтъ, напримѣръ, приводитъ слѣдующее соображеніе: «Изъ наблюденій извѣстно, что произвольнымъ напряженіемъ можно вызывать въ сознаніе опредѣленные образы воспоминанія и фантазіи»...

Наиболѣе простымъ отвѣтомъ на это утвержденіе можетъ служить слѣдующій примѣръ. Всѣ помнятъ знаменитый разговоръ больного Александра Македонскаго съ врачомъ Филиппомъ, принесшимъ ему лѣкарство. Соберите всѣ ваши усилія и вспомните, кто въ то время находился въ комнатѣ еще, кромѣ Филиппа. Почти навѣрно, вамъ это не удастся.

Невозможность вспомнить подтверждается наблюденіемъ гораздо чаще, чѣмъ то, что хотѣлъ подчеркнуть Вундтъ. Каждый экзаменъ, т.-е. каждая повѣрка памяти, показываетъ, какъ мало можно рассчитывать на произволъ воспоминанія.

Вниманіе не есть выраженіе какой-нибудь активной силы, а выраженіе основного характера психической дѣятельности, по которому одновременно сознаваемы могутъ быть лишь нѣкоторые процессы, вслѣдствіе того, что каждый совершающійся въ мозгу процессъ задерживаетъ всѣ другіе, которые такимъ образомъ ослабляются и, слѣдовательно, слабѣе сознаются, чѣмъ тотъ, который совершается въ данный моментъ съ наибольшей силой. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что яснѣе сознается не то воспріятіе, которое само по себѣ болѣе сильно. Напримѣръ, среди грохота пушекъ совершенно явственно можно слышать стонъ раненаго друга, хотя онъ донесется до васъ лишь какъ слабое звуковое воспріятіе. Сила психическаго процесса, слѣдовательно, не находится въ зависимости единственно отъ силы внѣшняго возбужденія.

Въ этомъ отношеніи надо различать возбужденія, которыя немедленно вступаютъ въ сложныя ассоціаціи и которымъ, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ уже заранѣе извѣстныя представленія, и такія возбужденія, которыя появляются какъ случайныя. Тѣ, которымъ соотвѣтствуютъ уже представленія, могутъ быть ожидаемы.

Ожиданіе есть воспроизведеніе тѣхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ имѣющимъ возникнуть вновь воспріятіямъ. Обыкновенно это воспроизведеніе находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ воспріятій, которыя предшествуютъ ожидаемому воспріятію и заранѣе возбуждаютъ ассоціаціонныя процессы въ извѣстномъ направленіи. Ожиданіе не есть собственно актъ вниманія, хотя оно также можетъ сопровождаться чувствомъ нѣкотораго напряженія, что называется «напряженнымъ ожиданіемъ». Наступившее ожидаемое воспріятіе быстро узнается, т.-е. быстро вступаетъ въ соотвѣтствующія соединенія и, вслѣдствіе того основного закона восприниманія ощущеній, по которому непосредственное воспріятіе сливается съ образомъ воспоминанія и при этомъ выигрываетъ въ силѣ, и ожидаемое воспріятіе будетъ сознаваться ярче, чѣмъ всѣ другія воспріятія и представленія. Воспріятіе, соединенное съ ожиданіемъ, можетъ быть названо «напряженнымъ, или усиленнымъ вниманіемъ» и будетъ вполне соотвѣтствовать тому, что называется активнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ никакой активности, кромѣ той, которая вообще присуща проявленіямъ жизненной силы уже въ са-

момъ существованіи психической жизни, мы принять въ описанномъ актѣ не имѣемъ основанія.

Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ воспріятіе будетъ неожиданнымъ, т.-е. гдѣ предшествовавшія воспріятію воспроизведенія оказались ему несоотвѣтствующими, или гдѣ совѣмъ не могло быть подготовительнаго ожиданія, вслѣдствіе отсутствія предшествующихъ достаточно опредѣленныхъ указаній на то, что должно совершиться, происходитъ нѣсколько иной процессъ. Именно, вновь возникающее воспріятіе можетъ или совѣмъ не имѣть себѣ въ предшествовавшемъ психическомъ содержаніи никакого соотвѣтствія, что относится къ явленіямъ весьма рѣдкимъ, которыя, быть можетъ, и встрѣтятся въ жизни даннаго лица всего однажды, или же вновь возникающее воспріятіе не находится въ связи лишь съ психическимъ содержаніемъ даннаго момента, имѣя однако для себя соотвѣтствующія ассоціаціи въ психическомъ содержаніи даннаго лица. И въ томъ, и другомъ случаѣ вновь возникающее воспріятіе, будучи не ассоціированнымъ съ происходящими въ данный моментъ психическими процессами, будетъ дѣйствовать на нихъ ослабляющимъ образомъ, на основаніи опять-таки основнаго закона задержки. Отъ этого должно неминуемо произойти то, что само вновь возникающее воспріятіе выиграетъ въ относительной силѣ и будетъ яснѣе другихъ. Другими словами, мы будемъ имѣть передъ собою то, что называется актомъ вниманія, но опять безъ всякой произвольности.

Такимъ образомъ, не оказывается основаній для раздѣленія вниманія на произвольное и непроизвольное, такъ какъ процессы и въ томъ, и другомъ случаѣ оказываются одинаковыми, но вполне возможно раздѣлить вниманіе на вниманіе простое и вниманіе усиленное, или напряженное.

Слѣдовательно, что касается участія воли въ актахъ вниманія, то по меньшей мѣрѣ, надо сказать, что такое участіе не доказывается анализомъ психическаго процесса.

2. Во-вторыхъ, участіе воли признается иногда необходимымъ для того, чтобы объяснить выборъ между двумя дѣйствіями.

Всякое дѣйствіе чловѣка обусловливается извѣстнымъ количествомъ мотивовъ, т.-е. находящихся въ данный моментъ на лицо сознательныхъ импульсовъ къ этому дѣйствію. Вполнѣ естественнымъ представляется тотъ случай, гдѣ мотивы болѣе сильныя одерживаютъ верхъ, и въ такихъ случаяхъ вопросъ

о свободѣ, или о зависимости даннаго дѣйствія отъ воли, и не возникаетъ. Здѣсь обусловливающіе дѣйствіе моменты слишкомъ очевидны для того, чтобы былъ возможенъ споръ.

Поэтому предполагается возможность существованія двухъ одинаково сильныхъ мотивовъ или двухъ мотивовъ безразличныхъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не можетъ пересилить другого. Тогда образуется состояніе безразличія, выйти изъ котораго, по мнѣнію защитниковъ свободы воли, можно только посредствомъ акта воли, свободно опредѣляющаго, какимъ мотивомъ обусловится послѣдующее дѣйствіе. Это — то, что называется «свобода безразличія».

Классическимъ примѣромъ такого состоянія безразличія служитъ обыкновенно, такъ называемый, «Буридановъ осель». Рассказываютъ, что Буриданъ, философъ, жившій въ срединѣ XIV вѣка, однажды въ спорѣ о свободѣ воли придумалъ такую задачу: что будетъ дѣлать осель, котораго съ одинаковой силой мучитъ и голодъ и жажда, если его помѣститъ на равномъ разстояніи отъ ведра съ водой и отъ гарнца овса? Когда ему отвѣчали, что осель будетъ стоять неподвижно, онъ замѣчалъ: «слѣдовательно, онъ околѣетъ отъ голода и жажды»; когда же дѣлали обратное замѣчаніе, что онъ начнетъ ѣсть овесъ, или пить воду, Буриданъ дѣлалъ заключеніе: «значитъ, у него есть свободная воля».

Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что въ логикѣ называется «рогатымъ силлогизмомъ», и примѣръ Буриданова осла не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительности. Два одинаково сильныхъ побужденія допустить почти невозможно: каждое побужденіе слагается изъ громаднаго количества составныхъ моментовъ, такъ что въ извѣстныхъ отношеніяхъ всегда будетъ существовать разница. Если же мы и допустимъ возникновеніе двухъ одинаково сильныхъ побужденій одновременно, то это равенство будетъ существовать лишь очень короткое время. Затѣмъ непремѣнно присоединятся новые моменты и уже самой ничтожной разницы будетъ достаточно, чтобы опредѣлить направленіе дѣйствія, или, какъ говорятъ, обусловить выборъ.

И въ случаѣ Буриданова осла достаточно, чтобы онъ взглянулъ на овесъ или воду, и выборъ будетъ сдѣланъ—на томъ основаніи, что два одновременно происходящіе въ мозгу процесса ослабляютъ другъ друга, слѣдовательно, непосредственное

воспріятіе зрѣніемъ одного изъ соперничающихъ предметовъ влеченія, тотчасъ ослабило бы представленіе о другомъ: первое влеченіе стало бы сильнѣе второго, и осель пошелъ бы къ водѣ.

Такимъ образомъ, и возможность выбора существуетъ безъ участія свободной воли.

3. Но остается еще одинъ пунктъ, гдѣ можно предполагать участіе свободной воли. Именно, всѣ дѣйствія человѣка опредѣляются влеченіями. Влеченія всѣ относятся къ области чувствъ. Мы видѣли, однако, что чувства не опредѣляются исключительно представленіями, но будучи связаны съ представленіями и въ нихъ имѣя свое постоянное и обязательное выраженіе, чувства зависятъ отъ состоянія организма въ данный моментъ и отъ его индивидуальныхъ особенностей, отъ организаци. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ моментами, не находящимися въ зависимости отъ внѣшнихъ факторовъ, но зависящими исключительно отъ факторовъ внутреннихъ, отъ тѣхъ же, которыми, быть можетъ, обусловливается самое существованіе жизни. Не слѣдуетъ ли поэтому въ чувствахъ искать проявленія свободной воли? И нужно сказать, что, если подъ волей разумѣть то же, что подъ жизненной силой, то несомнѣнно здѣсь и слѣдуетъ искать ея наиболѣе чистыхъ проявленій.

Но защитники свободы воли удивительнымъ образомъ извратили вопросъ объ отношеніи чувства и воли. Именно, они стремятся найти доказательства свободы воли въ томъ фактѣ, что влеченія и желанія могутъ быть задержаны. Здѣсь то, съ ихъ точки зрѣнія, возникаетъ, главнымъ образомъ, различіе между желаніемъ и хотѣніемъ. Только хотѣніе есть актъ воли, проявляющейся въ борьбѣ съ желаніями и страстями, которыя суть не что иное, какъ сильныя желанія, которыя становятся преобладающими. Въ этой борьбѣ воля является, будто бы, во всей своей силѣ, и человѣкъ именно вслѣдствіе этой борьбы и возвышается надъ прочими животными, предоставленными своимъ влеченіямъ безъ контроля высшихъ идей и нравственныхъ чувствъ, которыя, кстати, также считаются проявленіями воли.

Но мы уже видѣли, что въ задержкѣ одного процесса другимъ нѣтъ ничего произвольнаго. Необходимость задержки вытекаетъ изъ самаго строенія нервной системы, и чѣмъ болѣе развитъ мозгъ, тѣмъ болѣе будетъ встрѣчаться задержекъ всякій

мозговой процессъ, уже вслѣдствіе большого количества другихъ процессовъ. И чѣмъ большее количество представленій и идей, противорѣчащихъ извѣстнымъ влеченіямъ, находится въ мозгу, тѣмъ больше будетъ эта задержка, задержка роковая, въ которой никакъ нельзя отмѣтить никакого произвола. Поэтому вполне правильно утверждать, что при существованіи достаточно развитого мозга и при наличности достаточно глубокихъ нравственныхъ идей совершеніе безнравственнаго поступка можетъ стать совершенно немислимымъ. И вообще, надо считать за правило, что совершеніе дурного поступка для хорошаго человѣка гораздо труднѣе, чѣмъ совершеніе хорошаго поступка для человѣка дурного, разумѣя подъ хорошимъ и дурнымъ различную степень развитія нравственныхъ идей и чувствъ.

Изъ того обстоятельства, что роковой характеръ задержки не былъ понятъ, вытекаетъ еще одно смѣшеніе отношеній. Именно, самое существованіе нравственныхъ идей и чувствъ ставится въ зависимость отъ существованія воли, такъ что существованіе нравственныхъ побужденій рассматривается какъ доказательство существованія свободной воли. Въ этомъ случаѣ воля является уже особою сущностью, независимою отъ идей и чувствъ, но въ то же время одаренною способностью отличать добро и зло и выбирать между ними, откуда, въ свою очередь, происходятъ понятія доброй и злой воли. Въ этомъ ученіи уже нѣтъ болѣе ничего научнаго: это не анализъ всей совокупности психическихъ явленій, а соединеніе вѣрваній, иногда весьма шаткихъ и имѣющихъ своимъ источникомъ страхъ и недоразумѣніе.

Къ счастью для человѣчества, нравственныя идеи и побужденія не находятся въ зависимости отъ условія, о самомъ существованіи котораго ведется постоянный и упорный споръ. Нравственныя идеи и чувства—такъ же, какъ и всѣ прочія идеи и чувства, суть результатъ взаимодѣйствія внѣшнихъ вліяній и организациі человѣка и при существованіи міра въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, они не могутъ не развиваться, какъ они развиваются, и не могутъ не видоизмѣняться, какъ они видоизмѣняются. Взаимодѣйствіе между людьми не есть актъ свободной воли, а роковая необходимость; измѣненіе и развитіе идей и чувствъ есть роковой результатъ этого взаимодѣйствія.

На этой обязательности связи между внѣшнимъ вліяніемъ и реакціей основана возможность воспитанія, т.-е. искусственнаго развитія

тѣхъ или другихъ идей и стремленій. Только внутреннее строеніе и свойства организма опредѣляютъ, въ какой степени будутъ восприняты внѣшнія вліянія и въ какой степени они будутъ ослаблены другими чувствами и стремленіями, уже возникшими въ организмѣ подъ вліяніемъ другихъ внѣшнихъ воздѣйствій.

И относительно унаслѣдованныхъ свойствъ уже изо всего сказаннаго очевидно, что унаслѣдованы могутъ быть только физическія свойства организма и съ ними соединенная особенность реакціи. Поэтому реакція на одинаковыя внѣшнія вліянія можетъ быть одинакова у родителей и дѣтей, но безъ соотвѣтствующаго внѣшняго вліянія эта реакція никогда не проявится, и слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи объ унаслѣдованіи какихъ-либо опредѣленныхъ идей.

Такимъ образомъ, нигдѣ, ни въ одномъ изъ человѣческихъ дѣйствій мы не можемъ найти присутствія свободнаго дѣятеля.

И однако, въ громадномъ большинствѣ случаевъ человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ. Я говорю «въ громадномъ большинствѣ случаевъ», такъ какъ не считаю вѣрнымъ утвержденіе, столь часто повторяемое, что мы не можемъ не чувствовать себя свободными. Чѣмъ болѣе ясно сознаетъ человѣкъ происходящія въ немъ психическіе процессы, чѣмъ болѣе ясно усматриваетъ онъ связь своихъ дѣйствій съ внѣшними условіями, тѣмъ болѣе для него очевидно, что всѣ его внутреннія свойства не могутъ проявить себя иначе, какъ въ извѣстныхъ формахъ, данныхъ внѣшними же вліяніями, и что вся его внутренняя жизнь есть не что иное, какъ реакція,—и тѣмъ менѣе высокаго мнѣнія будетъ онъ о свободѣ своихъ дѣйствій. Но въ большинствѣ случаевъ ни такого яснаго сознанія, ни достаточнаго пониманія своей собственной душевной жизни не существуетъ. Внутренній опытъ, самонаблюденіе, которымъ хотятъ пользоваться всѣ люди, доступенъ, въ сущности, весьма немногимъ.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ не понимаетъ, какъ въ его душѣ возникли тѣ или другія стремленія. Въ то же самое время онъ не чувствуетъ многихъ моментовъ своей душевной жизни, и многія соединенія, въ которыя вступаютъ между собою вызванные внѣшними вліяніями внутренніе процессы, ускользаютъ отъ его сознанія. Такъ бываетъ обыкновенно относительно большинства опредѣляющихъ мотивовъ. Поэтому возникающее въ человѣкѣ стремленіе, которое представ-

ляетъ собою лишь третій членъ происходящаго въ дѣйствительности процесса, принимается человѣкомъ—какъ нѣчто возникшее впервые въ его душѣ, независимо отъ вліяній внѣшняго міра.

Все, что предшествуетъ возникновенію сознательнаго процесса, не принимается человѣкомъ за причину, и въ этомъ смыслѣ чувство своей свободы можетъ быть принимаемо, какъ первичный актъ душевной жизни. Въ цѣпи причинъ это лишь тѣ процессы, которые стали сознательными, и поэтому, говоря «первичный актъ», не слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ чего-либо самостоятельно возникающаго. Этимъ исчерпывается вопросъ о волѣ.

Нѣкоторые мыслители высказываютъ мнѣніе, что если воля и не можетъ быть принята какъ свободно дѣйствующій факторъ, тѣмъ не менѣе иллюзія свободы, вѣра въ свободу должна быть поддерживаема, такъ какъ безъ этой вѣры индивидуальность разлагается и пропадаетъ.

И на это надо отвѣтить, что существованіе индивидуальности не есть продуктъ иллюзіи. Индивидуальность не можетъ не существовать, такъ какъ внѣ индивидуальнаго существованія нѣтъ міра, и если исчезнетъ индивидуальность, въ полномъ смыслѣ этого слова, то исчезнетъ и міръ, и все возвратится въ первобытный хаосъ; и конечно, ни на одну минуту нельзя останавливаться на мысли, что существованіе міра основано на иллюзіи.

Въ заключеніе я приведу небольшой діалогъ, написанный Вольтеромъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, изъ котораго видно, что вопросъ о свободѣ воли и тогда рѣшался почти такъ же, какъ онъ рѣшается въ настоящее время.

«Или я очень ошибаюсь, или Локкъ, опредѣлитель, очень хорошо опредѣлилъ свободу—какъ возможность. Я опять ошибаюсь, или Коллинзъ, знаменитый лондонскій судья, былъ единственный философъ, который развилъ эту идею, и Кларкъ возражалъ ему, только какъ теологъ. Но изъ того, что было написано о свободѣ во Франціи, самымъ лучшимъ мнѣ показался слѣдующій маленькій діалогъ:

А.—Вотъ батарея пушекъ, которая стрѣляетъ намъ въ уши; свободны вы слышать или не слышать?

В.—Безъ сомнѣнія, я не могу помѣшать себѣ слышать.

А.—Хотите, чтобы эта пушка оторвала голову вамъ, вашей женѣ и вашей дочери, которыя гуляютъ вмѣстѣ съ вами?

В.—Что вы мнѣ предлагаете? я не могу, пока я въ своемъ умѣ, хотѣть такой вещи; это для меня невозможно.

А.—Хорошо. Значитъ, вы неизбежно слышите эту пушку,—и вы, и ваше семейство неизбежно хотите не умереть во время прогулки отъ пушечнаго выстрѣла; и вы не имѣете ни власти не слышать, ни власти хотѣть оставаться здѣсь?

В.—Это ясно.

А.—И вы сдѣлали тридцать шаговъ, чтобы быть внѣ выстрѣла и имѣли власть пройти со мной это небольшое разстояніе?

В.—Это опять очень ясно.

А.—Если бы у васъ былъ параличъ, вы не могли бы избѣжать необходимости оставаться передъ этой баттареей, вы не имѣли бы власти быть тамъ, гдѣ вы находитесь; вы неизбежно слышали бы выстрѣлъ и получили бы ударъ; и вы неизбежно были бы мертвы?

В.—Нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго.

А.—Въ чемъ же заключается ваша свобода, если не въ возможности, которую обнаружилъ вашъ индивидуумъ сдѣлать то, что ваша воля требовала съ абсолютной необходимостью?

В.—Вы приводите меня въ затрудненіе; свобода, слѣдовательно, есть не что иное, какъ возможность дѣлать, что я хочу?

А.—Подумайте объ этомъ и посмотрите, можно ли свободу понимать иначе.

В.—Въ такомъ случаѣ, моя охотничья собака такъ же свободна, какъ и я; она неизбежно имѣетъ волю бѣжать, когда увидитъ зайца, и возможность бѣжать, если у нея не болятъ ноги. У меня, слѣдовательно, нѣтъ ничего большаго, чѣмъ у моей собаки; вы низводите меня до состоянія животнаго.

А.—Вотъ бѣдные софизмы бѣдныхъ софистовъ, которые васъ учили. Вы даже заболѣли отъ огорченія, что вы такъ же свободны, какъ ваша собака. Развѣ вы не ѣдите, не спите, не размножаетесь, какъ она, лишь съ разницей въ положеніи? Не желаете ли вы обонять иначе, какъ черезъ носъ? Почему же вы желаете быть свободнымъ иначе, чѣмъ ваша собака?

В.—Но я имѣю душу, которая разсуждаетъ, а моя собака не разсуждаетъ почти. У нея почти только простыя идеи, а я имѣю тысячу метафизическихъ идей.

А.—Ну, что же, вы тысячу разъ болѣе свободны, чѣмъ она;

то есть, вы имѣете въ тысячу разъ болѣе возможностей, чѣмъ она: но вы свободны не иначе, чѣмъ она.

В.— Какъ, я не свободенъ хотѣть того, что я хочу?

А.— Что вы подъ этимъ разумѣете?

В.— Я разумѣю то, что разумѣютъ всѣ. Развѣ не говорятъ ежедневно, что воля свободна?

А.— Пословица не доказательство; объяснитесь лучше.

В.— Я разумѣю, что я свободенъ хотѣть, что мнѣ угодно.

А.— Съ вашего позволенія, это не имѣетъ смысла; развѣ вы не видите, что смѣшно сказать, я хочу хотѣть? Вы хотите неизбежно, вслѣдствіе идей, которыя у васъ присутствуютъ. Хотите вы жениться, да, или нѣтъ?

В.— А если я вамъ скажу, что я не хочу ни того, ни другого?

А.— Тогда вы отвѣтите, какъ тотъ, который говорилъ: «Одни считаютъ кардинала Мазарини мертвымъ, другіе считаютъ его живымъ, а я не считаю его ни тѣмъ, ни другимъ».

В.— Ну, хорошо, я хочу жениться.

А.— А, вотъ это отвѣтъ. Почему вы хотите жениться?

В.— Потому что я влюбленъ въ дѣвушку красивую, кроткую, хорошо воспитанную, довольно богатую, которая хорошо поетъ, родители которой очень хорошіе люди, и потому что я рассчитываю быть любимымъ ею и быть хорошо принятымъ въ ея семействѣ.

А.— Вотъ это основаніе. Вы видите, что вы не можете хотѣть безъ основанія. Объявляю вамъ, что вы свободны жениться; т.-е. что вы имѣете возможность подписать контрактъ, отпраздновать свадьбу и спать съ вашей женой.

В.— Какъ! я не могу хотѣть безъ основанія? Что же будетъ тогда съ другой пословицей: *sit pro ratione voluntas*; моя воля есть мое основаніе, я хочу, потому что я хочу?

А.— Это абсурдъ, мой другъ; тогда въ васъ было бы дѣйствіе безъ причины.

В.— Какъ же! когда я играю въ четъ-нечетъ, у меня есть основаніе выбрать скорѣе четъ, чѣмъ нечетъ?

А.— Да, безъ сомнѣнія.

В.— Да какое же это основаніе, скажите, пожалуйста?

А.— То, что идея четнаго числа появилась въ вашемъ умѣ прежде, чѣмъ идея противоположная. Было бы забавно, если бы

были случаи, когда вы хотите, потому что есть причина хотѣть, и другіе случаи, когда вы хотѣли бы безъ причины. Когда вы хотите жениться, вы ясно чувствуете существующее основаніе; вы не чувствуете его, когда играете въ четъ и нечетъ; и однако, необходимо, чтобы оно было.

В.— Но, еще разъ, значить я не свободенъ?

А.— Ваша воля не свободна, но ваши дѣйствія свободны. Вы свободны дѣлать, когда вы имѣете возможность дѣлать.

В.— Но всѣ книги, которыя я читалъ о свободѣ безразличія...

А.— Что разумѣете вы подъ свободой безразличія?

В.— Я разумѣю плевать направо или налево, спать на правомъ боку или на лѣвомъ, пойти гулять четыре раза или пять.

А.— Это была бы странная свобода. Хорошо былъ бы подарокъ, который сдѣлалъ вамъ Богъ. И было бы чѣмъ хвастаться. На что вамъ годилась бы власть, которая проявлялась бы лишь въ такихъ ничтожныхъ случаяхъ? Но въ дѣйствительности смѣшно предполагать свободу хотѣть плюнуть направо. Не только эта воля хотѣть абсурдна, но несомнѣнно, что многія мелкія обстоятельства побуждаютъ васъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя вы называете безразличными. Вы не болѣе свободны въ этихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ другихъ. Но, еще разъ, вы свободны во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, лишь только вы дѣлаете то, что хотите дѣлать.

В.— Мнѣ кажется, вы правы. Я подумаю объ этомъ».

А. Токарскій.
